

В середине нулевых, когда были ещё какие-то иллюзии, я прожил два года с девушкой, которая выучила шведский, чтобы читать Туве Янссон в оригинале. Звали её, соответственно, Лара.

Лара бы сказала, что это она потратила два года жизни на типа, который паял модельки межпланетных аппаратов «Венера 7-16» с отделяемым посадочным модулем. Тем более что мои «Венерки» торжественно стояли на самой видной полке. Всех гостей рано или поздно настигала лекция о достижениях советской беспилотной космонавтики. Я знал наизусть габариты, даты, сообщения ТАСС. Лара называла это «тяжёлым венерическим заболеванием».

Её любовь к Туве Янссон пряталась в антикварном сундучке под кроватью. Аккуратно, томик к томику. Слева книжки про муми-троллей — одной красивой шведской серией с благородными корешками и крупными, аппетитными буквами на душистых страницах. Эти буквы хотелось есть ложкой, вместе с иллюстрациями. Читать-то их я всё равно не мог.

Справа стояли книжки не про муми-троллей.

— Типа для взрослых? — спросил я, когда Лара первый раз показала мне свои сокровища.

— У неё *всё* для взрослых, — расстроилась Лара. Вернее, это я сейчас понимаю, что расстроилась. Тогда подумал, что обиделась. Или вообще строит из себя хрен знает что. Изображает понимательную смыслов, сокрытых от простых смертных, не знающих шведского.

Лара начала мне объяснять, почему книжки про муми-троллей тоже для взрослых, но скоро споткнулась об защитную ухмылку на моей роже. Это я так боролся с комплексом неполноценности. Я и по-английски-то тупые триллеры до сих пор со скрипом разбираю. А она тут, видите ли, целый шведский выучила, чтобы читать сказки про двуногих бегемотиков.

Короче, не нужна мне была никакая Туве Янссон для взрослых. Мне, во имя мужского самолюбия, нужно было зафиксировать Ларино увлечение на уровне няшных брелочков, блюдец и прочей муми-дребедени, которой все затовариваются на паромах Silja Line. Правда, слово «няшный» тогда ещё не говорили. Простите за анахронизм.

Однажды, где-то в начале наших двух лет, я привёз ей шампунь и передник из Хельсинки. На шампуне танцевала фрёкен Снорк с ядовито-жёлтой чёлкой. Передник содержал всё муми-семейство на фоне кометы и красных листьев.

Лара, когда я ей это вручил, кое-как изобразила радость. Сказала «спасибо» и даже шампунем потом честно мылась до конца флакона. Но сувениров с муми-троллями попросила ей больше не дарить.

— Саш, ты только не дуйся, — сказала она, выждав пару дней. — Просто весь этот мерчандайз не имеет никакого отношения к тому, за что я люблю Туве. Мне от него — ну, как будто арбуз ела, а руки негде помыть. Липко как-то...

— Пааанятно, — сказал я.

Надулся, уселся в свой угол и не менее часа безмолвно читал фигню в интернете, оскорблённый в так называемых лучших чувствах. Но муми-троллей больше не дарил.

Вот такая, вкратце, предыстория. А рассказать я хочу про день рожденья муми-мамы, который устроил в наше последнее лето.

Что лето у нас последнее — чувствовали все. Кроме меня. Например, это чувствовала Мария Столбняк, Ларина подруга детства. Она меня подкараулила в конце июля после работы. В прямом смысле: приехала на промзону «Парнас» и сорок минут стояла у проходной, пока я не вышел. Я думал, так только в кино бывает, да и то крайне редко.

Маша Столбняк — замечательный человек. Даром что выросла с обкомовской бабушкой и филармонической мамой в отдельной квартире на Третьей линии Васильевского острова. Одну половину недели она даёт уроки фортепьяно потомству людей, о которых трудно думать без классовой ненависти. Другую половину таскается по детдомам, бесплатно. Недавно, когда иностранное усыновление запрещали, она всю осень простояла в одиночных пикетах. В Москву специально ездила.

С Ларой Машу связывает страшная клятва в вечной дружбе, данная в кустах лагеря «Зеркальный». Им тогда было по двенадцать лет. Это, наверное, первый раз в истории человечества, когда такая клятва сработала.

— Саша, — сказала Маша на промзоне «Парнас» вместо приветствия. — Я хотела с тобой поговорить про вас с Ларой. Пожалуйста.

— Пожалуйста! — воскликнул я. Так невозможно, что правое веко задёргалось. — Поговори!

Мы доехали на развозке до Просвещения, сели в кафе в торговом центре, и Маша стала открывать мне глаза на вещи, которые совершенно не хотелось видеть. Она говорила чистую правду, я даже тогда это понимал, и поэтому каждое слово казалось вопиюще несправедливым. Я слушал и ёрзал на стуле от негодования. Хотелось встать и сказать сверху вниз ледяным тоном: воистину, Мария, я говно, но вам как девушке интеллигентной должно быть известно, что идеальных людей не бывает, каждый говно по-своему, и я решительно не понимаю, почему вы вздумали говорить правду именно мне, а не родителям ваших ученичков, которые пилят бюджетные миллионы или берут откаты в тридцать процентов, я не говорю уже про родителей ваших детдомовцев, которые поголовно живы и преспокойно спиваются дальше, и раз уж мы перешли на личности, то почему бы вам не начать с вашей подруги, которая...

На этом месте моя фантазия надломилась, потому что Лара, негромкая глазастая Лара, остроумная изящная Лара, а также все её каштановые кудряшки, печальные британские певицы, несимметричные пальцы, прогулки по Гатчине, тапки с вышивкой, Туве Янссон в сундуке под кроватью — всё это не имело к говну ни малейшего отношения и, более того, являлось его абсолютной противоположностью.

Конечно, у Лары были какие-то недостатки. Но меня-то раздражали не они. Меня раздражали шибко умные подружки и языки иностранные. Бесило, когда она рассказывала за ужином, какой у неё был интересный день на её интересной научной работе. Особенно бесили молчаливые выходные, когда она боролась с депрессией.

И потом, я уже к середине нулевых установил опытным путём, что никаким ледяным тоном говорить не умею. Я знал: а) Нева впадает в Балтийское море; б) если я сейчас встану и разину рот, оттуда выпадет «Иди ты в жопу, Маша», и это ещё в лучшем случае. Поэтому я продолжал сидеть и ждать, когда же Маша подведёт черту и скажет что-нибудь в духе: «Если Лара тебе дорога, отпусти её».

Но Маша оказалась ещё лояльней, чем я думал.

— Саша, — сказала она, подводя черту. — Ты хороший человек. Иначе бы Ларка с тобой не жила. Вы так хорошо смеётесь вместе. Но некоторые досадные мелочи очень отравляют жизнь. Если Лара тебе дорога, помоги ей быть счастливой. Пожалуйста.

Маша не допускала, что подружке просто не повезло. Что *Лара + Саша = недо-разумение*.

Что за встречей на турецком пляже, за сексуальной совместимостью и смехом в унисон не было никакой тайной гармонии. Наша с Ларой неделя в Анталии должна была остаться неделей. В Анталии. Не надо было импортировать её в Санкт-Петербург и натужно растягивать до двух лет.

Но ничего подобного я тогда, естественно, не подумал. Я сидел довольный, как депутат Госдумы. Менял гнев на милость. «Маша Столбняк считает меня хорошим парнем, который осчастливит Лару!» Такое примерно коммунике выпустили у меня в голове по итогам встречи в торговом центре на Просвещения. Остальное замели под кат, как несущественные подробности.

Осадочек, впрочем, остался. Такой ощутимый, что я даже исполнил пару Машиных просьб. Например, не наехал на Лару за то, что её драгоценная подруга читает мне лекции.

Осталось и сверлящее желание что-нибудь побыстрее сделать для галочки. Осчастливить Лару в кратчайшие сроки, без особого отрыва от пайки «Венеры 15» и чтения фигни в интернете.

Пятого августа я возвращался с ночной смены и зашёл в «Буквоед» — всё там же на Просвещения, в подвале торгового центра. Дату помню точно, потому что это день запуска «Марса 6» (1973 г.), останки которого сейчас активно ищут на насовских снимках. Энтузиасты вроде меня.

Такие даты я всегда помню точно.

Вообще-то, я зашёл, чтобы купить отцу роман Фазиля Искандера в двух томах. Этого романа в «Буквоеде» не оказалось. Зато у кассы стояло красочное издание с муми-мамой, разливающей что-то из термоса по стаканчикам разных размеров. Один муми-тролль наблюдал за процессом, другой подавал новый термос. Называлось это «Поваренная книга муми-мамы». Автор — не Туве Янссон. Перевод с финского.

Я полистал. Покрутил. Российскому издателю, похоже, было всё равно, кто автор. На оборот обложки втиснули краткую биографию Туве Янссон, выдержанную в дубовом стиле советских послесловий: «Известная финская сказочница Туве Янссон родилась 9 августа 1914 года, когда Финляндия входила в состав Российской Империи. Детство и юность будущей писательницы пришлось на один из наиболее драматичных периодов в финской истории. Возможно, поэтому...»

И тут меня осенило. Девятого августа! Это ж в среду (или в четверг — лень по календарю проверять)!

Ладно, подумал я. Мерчандайз нельзя, он липкий. Не букву, а дух Муми-дола — вот что надо дарить! Как там говорила М. Столбняк двумя этажами выше? «Делать то, что совсем не хочется, радуясь будущей радости любимого человека». Тогда будет неподдельная благодарность. Будет обоюдное счастье в больших количествах.

Отгадайте с одного раза, чего мне совсем не хотелось. Ну естественно: заправлять одеяло в пододеяльник и готовить. Вернее, больше всего не хотелось вести себя по-человечески: слушать, не огрызаться, изживать свои грёбанные комплек-

сы вместе с защитной ухмылкой. Всего этого так сильно не хотелось, что даже в голову не приходило.

Поэтому я зацепился за то, как я ненавижу готовить. А я искренне ненавижу готовить, не просто в силу стереотипа. Даже процедура с пододеяльниками меня меньше напрягает — она хоть короткая.

И представилось мне: я принёс жертву. Девятое августа, вечер, Лара пришла с работы. Я встречаю её в прихожей (надо Серёгин велик оттуда убрать на балкон, уже второй месяц руки не доходят). Поёт британская певица умеренной печальности. Из-за моей спины появляется букет полевых цветов (у бабушки купить в переходе).

«С днём рожденья муми-мамы, Ларыч! Да ты чего, как я мог забыть?»

Проходим в комнату. На столе скатерть, на скатерти ужин из трёх и более блюд. «Фруктовый салат Сниффа». «Походный суп Снусмумрика». «Картофельная запеканка голодного Муми-тролля». Яблочный сидр в графине. В качестве контрольного выстрела – «Кексы по рецепту Филифьонкиной бабушки». Теперь такие кексы «маффинами» обзывают.

В конце видения я немедленно мыл посуду. Лара светилась от счастья. Квартира превращалась в панельный уголок Муми-дола на проспекте Шаумяна.

— День рожденья муми-мамы... — прошептал я, потрясённый собственной гениальностью.

— Что вы сказали? — встрепнулся буквоедовский кассир.

— Да не, ничего. Я книжку вот эту возьму.

Ещё я взял отгул на девятое число. Ларе ничего не сказал. Девятого встал в шесть, вышел из дома без пятнадцати семь. Конспиративно слонялся в соседнем дворе, пока Лара не прошла в сторону метро. Утро было солнечное, но прохладное. На невытопанных участках газонов блестела роса. Приятно, по-летнему пахло далёким лесным пожаром.

После ухода Лары я выждал ещё минут десять и вернулся домой. Подмёл пол, поводит по нему мокрой тряпкой. Выволок на балкон велосипед. Отправился за ингредиентами. Обошёл четыре магазина, подчёркивая добычу прямо в книжке. В конце концов нашёл всё.

Самастряпня заняла почти семь часов — с одиннадцати до половины шестого. Я мог бы развести здесь комедию положений на много страниц о том, как это происходило, но не буду — из уважения к читателю. Достаточно сказать, что я запорол и Филифьонкины кексы, и картофельную запеканку. Даже из супа Снусмумрика получилась клейкая бодяга. Короче, с первого раза удался только фруктовый салат.

Пришлось менять планы и повторно бежать в магазин. В итоге я приготовил «Оладьи от муми-троллей» вместо кексов и «Перчёные спагетти Крошки Мю» вместо запеканки. Вместо походного супа Снусмумрика взялся было за «Созерцательный суп Снусмумрика», но разварил рис и пережарил морковь с луком. Был уже пятый час, параллельно я замешивал оладьи, причём в третий раз, и начинал слезливо материться от фрустрации. Решил обойти без супа.

За полевым букетиком к метро тоже не сбежал — боялся не успеть. Надо было накрывать на стол. Чистой скатерти я не нашёл, вытащил какую-то пёструю простыню из антресоли, сложил вдвое, постелил. Думал, она хозяйская, не наша. Думал: аккуратненько поедим, постираем, запихнём на место — никто не умрёт.

Без двадцати шесть я переоделся. Пока стаскивал штаны, заляпанные жиром и приставшей к жиру мукой, вспомнил про злосчастный передник с муми-семейством. Долго искал его на кухне, в шкафах, в кладовке. Чудом догадался заглянуть в муми-сундук под кроватью. Передник лежал там, бережно свёрнутый, между книгами слева и книгами справа. Сейчас не могу вспоминать об этом без комка в горле. А тогда я торопился. Достал, напялил для полноты картины.

Засунул в проигрыватель Бет Ортон. Первый попавшийся альбом.

Когда в замке залязгали Ларины ключи, я выскочил в прихожую и застыл в исходной позиции. Чувства я в тот момент испытывал сложные. Валился с ног от усталости, хотел есть, ненавидел Машу Столбняк и предвкушал реакцию Лары. Реакция могла быть только одна: безоговорочный экстаз в момент пересечения порога. Иначе выходило, что я мучился зря. Только Ларино счастье могло искупить мои страдания.

— Привет! — сказала Лара, увидев меня в прихожей. — Ты уже дома?

Я загадочно улыбался.

Лара вошла, закрыла дверь и не глядя повесила сумку на крючок.

— Ты приготовил что-то? — Она принялась. Поставила пакет с продуктами на пол у стены. — И вправду приготовил... А тебе идёт. — Она скинула с ног вышитые тапки. Перевела взгляд с муми-передника на моё лицо. — Ну, колись. Чего ты весь такой сияющий?

— С днём рожденья муми-мамы! — взорвался я. — Добро пожаловать к праздничному столу!

Лара посмотрела на меня с жалобным недоумением.

— К праздничному столу?.. — переспросила она ещё тише, чем обычно.

В моей голове брызнуло прокисшее шампанское. Она не помнит! Я помню, а она не помнит!

— Ну как же, — сказал я. — Сегодня же день рожденья! Туве Янссон! Девятое августа! В честь этой знаменательной даты у нас будет эксклюзивный ужин. По личным рецептам муми-мамы!

Место жалобного недоумения на Ларином лице заняла жалобная улыбка.

— Точно... — Лара опустила глаза. — Туве Янссон... Тоже девятого августа...

— Мой руки и за стол, Ларыч! Жду тебя в комнате!

— Да-да. — Она проскользнула к ванной, не коснувшись меня. — *Щас-щас...*

Щас я приду в комнату...

В ванной она закрылась. Защелка повернулась медленно и совсем тихо — чтобы не услышал я. Сразу же зашумела вода, открытая до упора. Я сел за накрытый стол и две с половиной песни слушал Бет Ортон в сопровождении открытого крана.

Наконец Лара вышла из ванной. Торопливо пронесла на кухню пакет с продуктами. Видимо, поставила продукты в холодильник.

— Всё, иду!

— Ура, — сказал я.

Лара показала на пороге комнаты.

— Ого, вот это... — она явно хотела сказать «вот это да!», но что-то ей помешало. Помеха находилась на столе — Лара смотрела на него так, будто по скатерти, среди тарелок, вилок и сидра, ползали гадюки.

У неё было красное лицо. Красные припухшие глаза. Я почувствовал, как у меня внутри всё закипает — то есть не всё, а уязвлённое дерьмо, которое в таких случаях закипает. Я чуть не сказал: «Надеюсь, это были слёзы счастья». Если б не подумал про Машу Столбняк — точно бы сказал. Спасибо, Маша.

— Присаживайтесь, фрёкен.

Лара подошла к столу и села напротив меня. Улыбнулась — уже не жалобно, а жалко. словно поняла, что помощи ждать неоткуда.

Я разлил сидр по бокалам.

— Первый тост предлагаю за именинницу! За муми-маму!

— За муми-маму, — повторила Лара.

Мы молча попили кислой зеленоватой жидкости. Я разложил по тарелкам фруктовый салат Сниффа.

— Очень вкусно, — кивнула Лара, поев криво нарезанных фруктов.

— Спасибо, — скромно сказал я.

На диске Бет Ортон тем временем кончилась песня. Началась другая — та, от которой хочется плакать, даже когда плакать совершенно не хочется. Лара её так и называла: «плач Ярославны со свистульками».

На первом же такте Лара положила руку с вилкой на стол. Повернула голову к окну. Пока не начались слова, она крепилась с открытыми глазами. На первой строчке зажмурилась. На четвёртой или пятой закусила губу.

— Извини... — сказала она, разлепив веки, из-под которых тут же хлынули слёзы. — И-извини, Саша...

Я, к счастью, молчал. В тот момент я ненавидел её больше, чем Машу Столбняк. Я вообще мало кого ненавидел в этой жизни, как Лару в тот момент.

— И-и-звини... — Она отпустила вилку и стала вытирать слёзы пальцами обеих рук. Я великодушно поднялся со стула. Щедро принёс из спальни бумажные салфетки.

— С-спасибо...

Я молча сел обратно на стул.

— Прости, Саша, — сказала Лара, использовав две салфетки. — Я не могу.

— Чего ты не можешь?

— Праздновать. — Она шмыгнула носом. — День рождения муми-мамы. Я понимаю, ты хотел как лучше. Чтобы я отвлеклась. Я вижу, как ты старался. Но я... Мне... — Её плечи задёрнулись. Лицо перекосилось. Голос внезапно стал громче. — Мне-не-по-мо-га-ет... Я сижу и ду-думаю, как Фи-филифьонка накрыла стол на у-у-улице... Как суп покры-ы-ылся плёнкой от ве-е-етра...

Здесь надо пояснить для тех, кто не читал «В конце ноября». Это последняя книга про муми-троллей. Сюжет такой: счастливая муми-семья куда-то уехала, её дом стоит пустой и безжизненный, туда стягиваются всякие нервные личности, живущие по соседству, и тщатся подменить собой хозяев. Филифьонка, к примеру, хочет быть муми-мамой. Надо, объявляет она, жить спонтанно и делать то, что хочется! И накрывает стол на улице. А на улице ноябрь, холодный ветер, суп сразу стынет, и все сидят злые и обиженные друг на друга.

— Хо-хо-хомса Тофт под стол залез... — Лара обхватила себя за плечи. Наклонила голову. Каштановые кудряшки затряслись над недоеденным фруктовым салатом Сниффа. — А Мюмла гово-ворит: «Чтобы стать Му-му-муми-мамой, мама-мало вытащить стол на у-у-у-у...» — Слово «улица» так и пропало. — Никто... Ни-ни-никто не может заменить муми-маму... Никто не может за-а-а-а-менить маму...

Я оцепенел от ужаса. Такой ужас часто бывает во сне, но там всегда просыпашься, а тут просыпаться было некуда. Не было никакой доступной реальности, в которой я не являлся бы мудаком. Не было выхода в чудесный параллельный мир, где я не забыл, что ровно десять лет назад, в середине девяностых, девятого августа, в гатчинской больнице умерла Ларина мама.

— Извини, Ларыч, — соврал я.

Чтобы извиниться и не соврать, надо было признаться. Сказать, что я забыл. Объяснить, что она опять, чёрт знает в какой раз, слишком хорошо обо мне подумала.

— Я хотел как лучше, — соврал я — уже наглей, её же словами. — Думал, ты отвлечёшься... Извини...

Лара подняла голову. Я опустил глаза. Смотреть прямо на неё — это было выше моих силёнок.

— Ничего, — сказала она. — Идея была хорошая... Наверно, простыня всё испортила. — Она провела кончиками пальцев по пёстрой ткани, которую я нарыл в антресоли. — Это мамина простыня. Видишь, как она сшита из разных кусочков? Из двенадцати кусочков. Можно посчитать, когда развернём. Это мама мне сшила на двенадцать лет. На день рожденья.

Я хотел сказать чистую правду («Я не знал, Ларыч»), но не смог её выговорить. Чтобы сказать правду и не соврать, надо было сначала признаться. Несколько минут мы просто сидели за столом. Лара улыбалась дрожащими губами и гладила разные кусочки простыни — ладонью, пальцами, снова ладонью. Под окном кто-то никак не мог припарковаться. Бет Ортон пела последнюю песню на диске.

Когда она допела, Лара спросила, что у нас на второе.